

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ли Гэнь

**КУЛЬТУРА КИТАЯ КАК ПРЕДМЕТ ИЗОБРАЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ**

Специальность 5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Леденев Александр Владимирович**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Кондаков Борис Вадимович**
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы ФГАОУ
ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский
университет»

Шафранская Элеонора Федоровна
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
ГАОУ ВО «Московский городской
педагогический университет»

Дефье Олег Викторович
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русской литературы
XX–XXI веков ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный
университет»

Защита диссертации состоится «15» декабря 2022 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.2(МГУ.10.05) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/503455754/>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Россию и Китай соединяют общие горы и реки, культуры двух держав активно взаимодействуют и оказывают друг на друга продуктивное влияние. В русской литературе сложилась традиция обращения к китайской культуре. Она прослеживается от древнерусских памятников литературы до произведений современной прозы. Апелляция к китайской культуре из поколения в поколение становится все более детализированной, содержательной, концептуальной и утонченной. В современной русской литературе наблюдается растущий интерес писателей к художественному освоению синологических мотивов, образов, мифологем, которое производится на все более и более углубленном, комплексном уровне, охватывая разные грани китайской культуры: древнекитайскую письменность, мифологию, религию и обычаи, фундаментальные философские учения и др. Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению китайских мотивов и образов в прозаических произведениях ярких представителей современной русской литературы (Ю.В. Буйды, Д.М. Липскерова, В.О. Пелевина, П.В. Крусанова, Д.А. Пригова, М.П. Шишкина) с точки зрения отражения в них важных компонентов китайской мифологии и ценностей китайской классической литературы.

Актуальность данного диссертационного сочинения обусловлена, с одной стороны, недостаточным вниманием исследователей к современной прозе под углом зрения отражения в ней китайской тематики. Несмотря на внимание, уделенное произведениям В. Пелевина и В. Сорокина, многие современные тексты остаются за пределами рассмотрения. С другой стороны, актуальность работы определяется динамичным развитием межкультурного диалога между двумя культурами. Изучение места китайской культуры на карте современной русской литературы предоставляет уникальную возможность для осмысления механизмов межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в современную эпоху.

Прежде чем представить материалы нашего исследования, необходимо кратко обозначить хронологические рамки современной русской литературы. К настоящему времени сложилась традиция выделять в пределах истории литературы XX – первой четверти XXI вв. следующие периоды: рубеж XIX–XX веков, первая половина XX века, вторая половина XX века и современный период¹. Современный период литературного развития, по мнению М.М. Голубкова, нужно «отсчитывать с рубежа 80–90-х годов»². Именно так понимаются хронологические границы современной русской литературы в нашем исследовании: с рубежа 1980–1990-х годов по настоящее время. Поскольку работа над диссертацией началась в 2020 году, произведения, появившиеся позднее, в исследовании не отражены.

Материал для анализа в диссертации – современная русская проза (лирика и драматургия осталась вне поля нашего зрения). Такой подход к отбору материала обусловлен тем, что именно проза в силу специфики субъектно-объектных отношений в ней содержит предпосылки к эксплицитному разворачиванию связанных с китайской культурой сюжетов, а также к развернутой авторской рефлексии по этому поводу. Именно в прозе наиболее полно и отчетливо отразилась рецепция китайских культурных кодов и мотивов в современной русской литературе.

В настоящей работе не ставится задача охватить всю современную русскую прозу, которая содержит китайские мотивы и образы. Для подробного анализа избрано творчество тех писателей, у которых, на наш взгляд, образы и ценности китайской культуры представлены наиболее ярко.

Предметом исследования выступают различные аспекты китайской культуры, отраженные в современной русской прозе: вековые традиции и обычаи, мифологические нарративы и фольклор, памятники древнекитайской письменности, трактаты, образцы китайской поэзии и новеллистики,

¹ Опираемся на периодизацию, предложенную М.М. Голубковым, Д.В. Кротовой и принятую в практике преподавания кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ имени М.В. Ломоносова. См.: *Голубков М.М.* Научные принципы периодизации русской литературы XX века // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1. С. 79–85; *Кротова Д.В.* Современная русская литература. Постмодернизм и неомодернизм: учебное пособие для студентов вузов. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 9.

² *Голубков М.М.* Научные принципы периодизации русской литературы XX века. С. 79.

особенности религиозных и философских учений, история, эстетика, идиоматика, этноментальность и др.

Объектом исследования является проза ярких представителей современной русской литературы: Ю.В. Буйды, Д.М. Липскерова, В.О. Пелевина, П.В. Крусанова, Д.А. Пригова, М.П. Шишкина.

Материал исследования составляют рассказ «Китай» (1998) Ю.В. Буйды, романы «Сорок лет Чанчжоэ» (1996) Д.М. Липскерова, «Священная книга оборотня» (2004) В.О. Пелевина, «Укус ангела» (1999) П.В. Крусанова, «Катя китайская» (2007) Д.А. Пригова и «Письмовник» (2010) М.П. Шишкина. В качестве «предыстории» исследования (к вопросу об изученности культуры Китая в первой половине XX века) привлекаются лирика Н.С. Гумилева и К.Д. Бальмонта, рассказы А.П. Хейдока, Б.М. Юльского, повести Б.А. Пильняка и М.М. Пришвина. Включаются в аналитическую рефлексию также произведения древнекитайской литературы: поэтическая антология «Шицзин», «Каталог гор и морей», поэзия Цюй Юань, Тао Юань-мин, Ли Бо, сборник рассказов «Записки о поисках духов» Гань Бао, «Странные истории из Кабинета Неудачника» Пу Сун-лина, «Заметки из хижины Великое в малом» Цзи Юнь, роман «Цветы в зеркале» Ли Жу-чжэнь и многие другие.

С начала XXI века тема, посвященная «образу Китая в русской литературе», привлекала внимание большого числа исследователей. Были защищены более 20 кандидатских и магистерских диссертаций в России и в Китае, много работ было посвящено изучению китайских мотивов и образов в русской литературе разных периодов. Были опубликованы несколько книг, антологий и написано множество статей.

Степень разработанности темы исследования (российское литературоведение)

В российском литературоведении образ Китая в русской литературе изучали А.В. Лукин, А.Д. Романенко, А.А. Красноярова, Б.В. Кондаков³, П.В. Пороль, А.Г. Коваленко⁴, Е. Ю. Раскина⁵, Е.Г. Солнцева⁶, Ли Иннань, Мяо Хуэй, Цзя Юннин, Цуй Лу, Линь Гуаньцюн, К.Ф. Пчелинцева, Цао Сюэмэй, Шэнь Ян, Н.Г. Медведева, Е.И. Зейферт, Н.Г. Бабенко, М.Н. Хабибуллина, Чжан Исянь, Го Вэй и др.

Важным пособием при изучении образа Китая в русской литературе является книга «Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках» (2007), где известным политологом А.В. Лукиным прослеживается эволюция образа Китая в русской культуре на протяжении четырех веков. Отдельного упоминания заслуживает антологическое издание, в котором сгруппированы тексты, посвященные китайской тематике. Антология «Китай у русских писателей» (2008), составленная А.Д. Романенко, охватывает широкий спектр произведений XVII–XX вв. Не менее важной является диссертация А.А. Краснояровой⁷, исследовавшей развитие образа Китая в русской литературе XIX–XXI вв., где были представлены произведения И. Гончарова, Л. Толстого, Н. Гумилева, С. Третьякова, Б. Пильняка, Н. Байкова, А. Хейдока, Л. Барякиной, Е. Анташкевича, И. Алимова, В. Рыбакова и других.

Кроме трех вышеупомянутых авторов, остальные исследователи в основном изучали «китайский текст» в русской литературе внутри более

³ См.: *Кондаков Б.В., Красноярова А.А.* «Китайский текст» русской литературы (к постановке вопроса) // Казанская наука. 2017. № 9. С. 34–39; *Кондаков Б.В., Красноярова А.А.* Китайский текст и китайский контекст в русской литературе XIX века (к постановке проблемы) // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 123–127; *Кондаков Б.В., Ван Кэвэнь, Красноярова А.А.* «Китайский текст» русской литературы XXI века // Казанская наука. 2018. № 10. С. 44–48.

⁴ См.: *Коваленко А.Г., Пороль П.В.* Китайский текст в стихотворении Н. Гумилева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 529–536; *Коваленко А.Г., Пороль П.В.* Рецептивная эстетика «Страны драконов» в «Китайской повести» Б. Пильняка // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы VII Международной научно-практической конференции 30-31 октября 2019 г. Москва-Пенза, 2019. С. 68–75; *Коваленко А.Г., Пороль П.В.* Рецепция китайской поэзии в творчестве К. Бальмонта (на примере перевода из книги «Шицзин») // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 23-25 апреля 2020 г. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2020. С. 149–153.

⁵ См.: *Раскина Е.Ю.* Образ китайской культуры в творчестве Н.С. Гумилева // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4(2). С. 93–97.

⁶ См.: *Солнцева Е.Г.* Китайские мотивы в «Фарфоровом павильоне» Н.С. Гумилева // Вестник РУДН, серия Литературоведение. Журналистика. 2013. № 4. С. 72–79.

⁷ См.: *Красноярова А.А.* «Китайский текст» русской литературы: дис. ... канд. филол. н. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 296 с.

узкого временного периода и сосредотачивались на литературе Серебряного века, либо первой половины XX века (дальневосточного зарубежья или советской), либо современного периода.

Диссертация П.В. Пороль⁸, например, была посвящена поиску следов китайской культуры в поэзии Серебряного века. Исследованием китайской темы в русской литературе дальневосточного зарубежья занимались Ли Иннань⁹, Мяо Хуэй¹⁰, Цзя Юннина¹¹ Цуй Лу¹², Линь Гуаньцюн¹³. Образ Китая и китайцев в советской прозе 20-30-х годов затрагивался в работах К.Ф. Пчелинцевой¹⁴ и Цао Сюэмэй¹⁵. Рецепции философских основ даосизма в творчестве Даниила Хармса была посвящена диссертация Шэнь Яна¹⁶.

Немало специалистов посвятило работы изучению китайских мотивов в современной русской поэзии и прозе. Среди подобных работ упоминания заслуживают статьи Н.Г. Медведевой¹⁷, М. Хабибулиной¹⁸, Е.И. Зейферт¹⁹. Важной вехой в изучении китайской темы в современной русской прозе стала обзорная статья Н.Г. Бабенко²⁰, где были предложены первые обобщения на

⁸ Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. н. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2020. 183 с.

⁹ Ли Иннань. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения: сборник научных трудов, посвященных 60-летию проф. В.В. Агеносова. М.: Советский спорт, 2002. С. 271–285.

¹⁰ Мяо Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае: дис. ... канд. культурологии. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2015. 173 с.

¹¹ Цзя Юннин. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина: дис. ... канд. филол. н. М.: Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, 2019. 165 с.

¹² Цуй Лу. Рецепция китайской культуры и ее отражение в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг.: дис. ... канд. филол. н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 333 с.

¹³ Линь Гуаньцюн. Этноментальность как предмет изображения в художественной прозе русской эмиграции (Харбин, 1920-е–1930-е годы): дис. ... канд. филол. н. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2021. 208 с.

¹⁴ Пчелинцева К.Ф. Китай и китайцы в русской прозе 20-х-30-х годов как символ всеобщего культурного непонимания // Материалы VIII Молодежной научной конференции по проблемам философии, религии, культуры Востока. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 162–173.

¹⁵ Цао Сюэмэй. Мифологизация образов Китая и китайцев в русской прозе 1920-х годов: дис. ... канд. филол. н. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. 163 с.

¹⁶ Шэнь Ян. Даниил Хармс и китайская культура: дис. ... канд. филол. н. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2019. 169 с.

¹⁷ Медведева Н.Г. Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилев, О. Седакова, И. Бродский) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2008. № 1. С. 53–72.

¹⁸ Хабибулина М. Китай по-русски: образ ивы в цикле О.А. Седаковой «Китайское путешествие» // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2009. Вып. 11. С. 107–114.

¹⁹ Зейферт Е.И. Китайское в новейшей русской поэзии: синхронная многомерность, идеограмма и взаимообогащение художественных элементов // НЛЮ. 2018. № 6. С. 250–261.

²⁰ Бабенко Н.Г. Китайские мотивы и образы в современной русской прозе // Русская речь. 2007. № 4. С. 26–32.

тему китайских заимствований в творчестве современных прозаиков. Немалое число специалистов обращалось к произведениям В. Сорокина и В. Пелевина именно в аспекте китайской образности. Среди них выделяются статьи М.Н. Хабибуллиной²¹, Чжан Исянь²² и диссертация Го Вэй²³.

Степень разработанности темы исследования (китайское литературоведение)

«Китайская» тема в русской литературе, разумеется, привлекала внимание многих китайских ученых и специалистов: Ван Цзечжи, Лю Ядина, Ли Яньцзю, магистров под руководством профессора Сунь Чао из Хэйлуунцзянского университета и многих др.

Нельзя обойти вниманием исследование «Дальние отзвуки – Русские писатели и китайская культура» (2002), написанное Ван Цзечжи и Чэнь Цзяньхуа²⁴ и сосредоточенное на образе Китая в русской литературе XVIII – середины XX вв. Большой вклад в изучение образа и культуры Китая в русской литературе сделал профессор Сычуаньского университета Лю Ядин, опубликовавший целый ряд научных статей²⁵, направленных на разрешение наиболее сложных вопросов: периодизации и эволюции «китайской» темы в

²¹ Хабибуллина М.Н. «Очарованность Китаем»: образ транскультурного будущего в творчестве В. Сорокина // Уральский филологический вестник. Серия: русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2014. № 4, С. 68–76.

²² Чжан Исянь. Китайские мотивы в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 274–277.

²³ Го Вэй. Классическая китайская литература и философия в творчестве В.О. Пелевина: дис. ... канд. филол. н. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 358 с.

²⁴ См.: 汪介之, 陈建华. 悠远的回响: 俄罗斯作家与中国文化. 银川: 宁夏人民出版社, 2002. 406 页. (Ван Цзечжи, Чэнь Цзяньхуа. Дальние отзвуки – Русские писатели и китайская культура. Иньчуань: Народное издательство Нинся, 2002. 406 с.)

²⁵ См.: 刘亚丁. “中国好奇” 与“拾遗补阙”. 俄罗斯文艺. 2004. 第 2 期. 72–74 页. (Лю Ядин. «Любопытство к Китаю» и «заимствование из Китая» // Русская литература и искусство. 2004. № 2. С. 72–74.);

刘亚丁. 俄罗斯的中国想像: 深层结构与阶段转喻. 厦门大学学报(哲学社会科学版). 2006. 第 6 期, 54–60 页. (Лю Ядин. Русское воображение о Китае: структура и периодизация // Вестник Сямьинского университета (Серия философия и общественные науки). 2006. № 6. С. 54–60.);

刘亚丁. 20 世纪 90 年代俄罗斯对中国智者形象的建构. 俄罗斯研究. 2009. 第 3 期. 124–135 页. (Лю Ядин. Конструирование образа китайского мудреца в России в 1990-е годы // Изучение России. 2009. № 3. С. 124–135.);

刘亚丁. 回归“哲人之邦”套话——近 30 年来俄罗斯作家对中国传统文化的利用与想象. 俄罗斯研究. 2010. 第 5 期. 22–35 页. (Лю Ядин. «Страна мудрецов» – использование традиционной китайской культуры русскими писателями за последние 30 лет // Изучение России. 2010. № 5. С. 22–35.);

刘亚丁. 俄罗斯文学和历史文献中的“看东方”. 俄罗斯文艺. 2021. 第 1 期. 4–14 页. (Лю Ядин. «Взгляд на Восток» в русской литературе и истории // Русская литература и искусство. 2021. № 1. С. 4–14).

русской литературе, раскрытии магистральных образов и мотивов и др. Результаты исследования были включены в монографию «Тень дракона – китайская культура в России» (2018)²⁶.

Образ Китая в русской литературе разных периодов изучали специалисты: Ван Цзюнь²⁷, Ма Лодан²⁸, Цзя Сяоци²⁹, Ли Яньцзю³⁰. Фокус указанных исследований в целом наводился только на определенный историко-литературный отрезок тех межкультурных и межлитературных отношений, которые интересуют нас в современной стадии развития русской прозы.

Некоторые ученые занимались исследованием творчества отдельных русских писателей-эмигрантов. Так, творчество А. Несмелова изучал Ли Паньпань³¹, В. Перелешина – Чжэн Лиин³².

Исследованием образа Китая в современной русской литературе активно занимаются специалисты из Хэйлунцзянского университета. На сегодняшний день магистры под руководством профессора Сунь Чао обращались к произведениям В. Сорокина, Б. Акунина, В. Пелевина. Среди них следует выделить работы Чэнь Юаньюань³³, Лян Цзюхань³⁴, Чэнь Лунцзя³⁵.

²⁶ См.: 刘亚丁. 龙影朦胧——中国文化在俄罗斯. 北京: 北京大学出版社, 2018. 293 页. (Лю Ядин. Тень дракона – китайская культура в России. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2018. 293 с.)

²⁷ См.: 王琼. 19 世纪俄国作家笔下的中国形象: 硕士论文. 上海: 华东师范大学, 2019. 75 页. (Ван Цзюнь. Образ Китая у русских писателей 19 века: дис. ... маг. филол. н. Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет, 2019. 75 с.)

²⁸ См.: 马洛丹. 论 19 世纪末至 20 世纪初俄国作家创作中的中国形象: 硕士论文. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2017. 83 页. (Ма Лодан. Образ Китая в русской литературе рубежа 19–20 веков: дис. ... маг. филол. н. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2017. 83 с.)

²⁹ См.: 贾晓琪. 20 世纪上半叶俄罗斯文学中的中国形象: 硕士论文. 哈尔滨: 哈尔滨工业大学, 2018. 62 页. (Цзя Сяоци. Образ Китая в русской литературе первой половины XX века: дис. ... маг. филол. н. Харбин: Харбинский политехнический университет, 2018. 62 с.)

³⁰ См.: 李艳菊. 中国俄罗斯侨民文学中的儒释道文化研究: 硕士论文. 齐齐哈尔: 齐齐哈尔大学, 2013. 63 页. (Ли Яньцзю. Конфуцианская, буддийская, даосская культура в литературе русских эмигрантов в Китае: дис. ... маг. филол. н. Цицикар: Цицикарский университет, 2013. 63 с.)

³¹ См.: 李盼盼. 俄侨诗人涅斯梅洛夫诗歌中的中国元素: 硕士论文. 沈阳: 辽宁大学, 2019. 116 页. (Ли Паньпань. Китайские элементы в стихотворениях русского поэта-эмигранта А. Несмелова: дис. ... маг. филол. н. Шэньян: Ляонинский университет, 2019. 116 с.)

³² См.: 郑丽颖. 俄侨作家别列列申的中国情结研究: 硕士论文. 兰州: 兰州大学, 2011. 63 页. (Чжэн Лиин. Анализ чувства тоски по Китаю у В. Перелешина – писателя русского зарубежья: дис. ... маг. филол. н. Ланьчжоу: Ланьчжоуский университет, 2011. 63 с.)

³³ См.: 陈媛媛. 索罗金小说中的中国形象: 硕士论文. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2018. 70 页. (Чэнь Юаньюань. Образ Китая в творчестве В. Сорокина: дис. ... маг. филол. н. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2018. 70 с.)

³⁴ См.: 梁璐涵. 阿库宁创作中的东方形象: 硕士论文. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2019. 65 页. (Лян Цзюхань. Образ Востока в творчестве Б. Акунина: дис. ... маг. филол. н. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2019. 65 с.)

Научная новизна диссертационного исследования связана с недостаточной изученностью произведений современной русской литературы в культурологическом отношении: многие подробности традиционной культуры и мифологии Китая обыкновенно не становились предметом исследовательского внимания. Но именно культурологические детали и формируют художественный состав «ориентальных» произведений. Настоящее диссертационное исследование предлагает трактовку центральных китайских мотивов и образов в произведениях современной русской прозы и расширяет перечень имеющих прямое отношение к теме текстов, не учтенных предыдущими исследователями.

Цель диссертационной работы состоит в комплексном анализе отражения китайской культуры в современной русской прозе. Для осуществления данной цели решаются следующие **задачи**:

1. Изучить предысторию (отражение китайской культуры в литературе первой половины XX века) избранной темы. Рассмотреть и проанализировать опыт осмысления различных граней китайской культуры в текстах Н.С. Гумилева, А.П. Хейдока, М.М. Пришвина и др.

2. Определить основные тенденции в освоении китайской культуры в современной русской прозе.

3. Дать интертекстуальный и культурологический комментарий к содержащим элементы китайской культуры фрагментам произведений современных русских писателей.

4. Показать явные и скрытые цитаты, аллюзии, реминисценции в современной русской литературе из китайской мифологии, философии, литературы.

5. Оpoznать и прокомментировать присутствующие в произведениях современной русской литературы китайские традиции, обряды, ритуалы, определить художественную мотивировку обращения к ним.

³⁵ См.: 陈隆嘉. 佩列文小说中的中国形象: 硕士论文. 哈尔滨: 黑龙江大学, 2019. 68 页. (Чэнь Лунцзя. Образ Китая в творчестве В. Пелевина: дис. ... маг. филол. н. Харбин: Хэйлунцзянский университет, 2019. 68 с.)

6. Проанализировать заимствованные из древнекитайской литературной традиции образы и мотивы и показать способы их трансформации и переосмысления в творчестве русских писателей.

7. Выяснить функции элементов китайской культуры в творчестве современных русских писателей.

8. Обобщить накопленные культурологические наблюдения и предложить истолкование основных китайских мотивов и образов в текстах современной русской прозы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Китайская культура стала важным источником художественной рефлексии для русских писателей первой половины XX века и нашла уникальное художественное воплощение в творчестве Н. Гумилева, К. Бальмонта, рассказах А. Хейдока, Б. Юльского, повестях Б. Пильняка и М. Пришвина. В произведениях этих авторов поэтически перерабатываются и осмысляются различные аспекты китайской культуры: поэтические традиции, мифологические образы, религиозные обычаи и учения, народные суеверия и мистицизм, этническая ментальность и др.

2. В современной русской прозе обнаруживается несколько основных тенденций; одна из них связана с тем, чтобы путем привлечения мифологических и литературных сюжетов создать возможность для неомифологического повествования, где многие культурные аспекты могли бы приобрести дополнительное символическое значение («Священная книга оборотня» В. Пелевина, «Китай» Ю. Буйды и др.). В других произведениях авторы обращаются к чужой культуре для более глубокого понимания собственной или, наоборот, пытаются осмыслить быт и обычаи чужой культуры «глазами иностранца». Кроме того, следует отметить, что многие произведения современной русской прозы устремлены к синтезу русской и китайской культур.

3. Некоторые современные русские писатели обладают широкой осведомленностью в области китайской классической литературы, мифологии и

философии. Прекрасным примером такой осведомленности служит «Священная книга оборотня» В. Пелевина, где писатель косвенно указывает на многочисленные образцы древнекитайской письменности. Среди них: «Записки о поисках духов» Гань Бао, «О чем не говорил Конфуций» Юань Мэй, «Путешествие на Запад» У Чэньэнь и др. Такой же «китаеведческой» эрудицией отличается роман П. Крусанова «Укус ангела», где образы главных героев состоят из различных архетипических китайских мифологем.

4. Продуктивная интерпретация произведений современной русской литературы, связанных с культурой Китая, возможна только при условии отчетливой экспликации «китайского» подтекста. Так, роман «Письмовник» дает китайскую вариацию излюбленных сюжетов и тем в творчестве М. Шишкина: каллиграфии, метемпсихоза, взаимосвязи («зарифмованности») всех вещей). Тема потусторонности в рассказе Ю. Буйды «Китай» может быть прочитана гораздо глубже, если привлечь к интерпретации «китайские» указания на архетипический «Персиковый источник» и на «Царство крылатых людей». Последнее (мифологическое «Царство крылатых») становится предпосылкой и для истолкования событий в романе «Сорок лет Чанчжэ» Д. Липскерова.

5. Во многих произведениях современной русской прозы китайские культурные маркеры выходят за рамки фоновой, декоративной функции и употребляются писателями не только для воссоздания необходимой «экзотической ауры», но участвуют в процессе сюжетообразования, так что зачастую они напрямую намечают фабульную перспективу. Так, предсказания «оптинского старца» в романе «Укус ангела», построенные на мотивах китайского метемпсихоза, предсказывают будущее развитие сюжета. Более того, многие фрагменты (сюжетные звенья) романов современных русских писателей были почерпнуты из китайской литературы. Так, развязка «Священной книги оборотня» обнаруживается в образцах классической китайской письменности и воспроизводит мотив прощания «лисицы-оборотня» с возлюбленным.

6. Раскрытие реалий, цитат и реминисценций из китайской мифологии, классической литературы, философии, народных верований и религии позволяет рассматривать отражение китайской культуры в современной русской литературе как важнейший элемент межкультурного диалога России и Китая.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В работе применены историко-литературный, сравнительно-типологический, культурологический, интертекстуальный, герменевтический подходы к анализу художественных текстов. Теоретическую основу диссертации составили научные труды М.М. Голубкова, А.А. Краснояровой, Ли Иинань, Мяо Хуэй, Ван Цзечжи, Лю Ядин и др. При изучении китайской культуры мы опирались на научные труды и переводы русских синологов – В.М. Алексеева, Л.С. Васильева, М.Л. Титаренко, Е.А. Торчинова, Л.Н. Меньшикова, Б.Л. Рифтина, Д.Н. Воскресенского, В.В. Малявина, И.А. Алимова и др.

Теоретическая и научно-практическая значимость заключается в новом культурологическом ракурсе изучения образа Китая в современной русской литературе; расширении перечня произведений современных русских писателей, обращавшихся к культуре Китая. Результаты исследования могут быть использованы в университетских лекционных курсах и на семинарах (как в России, так и в Китае) по современной русской литературе. Также результаты могут быть применены на специальных курсах по проблемам культурологии, межкультурной коммуникации и литературной компаративистики.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается системным подходом к анализу целого ряда текстов, использованием различных методов, применяемых при изучении теории и истории литературы.

Апробация работы. Диссертация прошла апробацию при защите НКР по той же теме на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. По теме диссертационного исследования прочитаны доклады на

пяти научных конференциях: 1) «Культура Китая в романе М. Шишкина “Письмовник”» (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2020», Москва, Россия, 10–27 ноября 2020 г.); 2) «Интерпретация войны в романе М.П. Шишкина “Письмовник”» (VII Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)», Москва, Россия, 17–19 декабря 2020 г.); 3) «Образ “лисы” в романе В. Пелевина “Священная книга оборотня”» (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2021», МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 12–23 апреля 2021 г.); 4) «Образ царства крылатых в современной русской литературе» (X Международная научно-практическая конференция молодых ученых «LITTERA TERRA: проблемы поэтики русской и зарубежной литературы», Екатеринбург, Россия, 3 декабря 2021 г.); 5) «Проблема интертекстуальности в романе Б. Акунина “Vremena goda”» (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022», МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, 11–22 апреля 2022 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 223 позицию. Общий объем диссертационной работы составил 170 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обоснована актуальность темы диссертационной работы, представлены краткий обзор истории художественного освоения образа Китая в русской литературе XVIII – начала XXI вв. и степень научной изученности темы. Обозначены предмет, объект, материалы исследования. Определены цели, задачи, научная новизна. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту. Названы теоретико-методологические подходы, предоставлены

сведения об апробации, теоретической и практической значимости, структуре диссертации.

Первая глава **«Рецепция китайской культуры в русской литературе первой половины XX века»** посвящается способам и формам осмысления разных сторон китайской культуры в русской литературе первой половины XX века. Первая глава выступает в качестве «предыстории» намеченной темы исследования. В ней исследуется освоение китайских мотивов и образов в творчестве поэтов Серебряного века, писателей дальневосточного зарубежья и советской литературы первой половины XX века.

В первом параграфе 1.1 **«Рецепция китайской культуры в литературе Серебряного века»** рассматривается опыт осмысления и художественной обработки традиций китайской письменности и мифологии в лирике Н. Гумилева и К. Бальмонта. Параграф состоит из двух разделов.

В первом разделе 1.1.1. **«Традиции будуарной поэзии на примере стихотворения Н. Гумилева “Китайская девушка”»** мы обратились к творчеству Н. Гумилева и сконцентрировались на жанровой модификации одного из «китайских» стихотворений поэта. Как творческая личность, Н. Гумилев, как известно, всегда тянулся ко всякого рода экзотике (абиссинской, египетской и китайской в том числе). Китайская поэзия привлекала Гумилева своей вещественной осязаемостью, изящностью и лаконичностью выражения, что только вторило его собственным акмеистическим поискам. Но не только это привлекало Гумилева в китайской поэзии: в стихотворении «Китайская девушка» поэт развивает канонический сюжет китайской «будуарной поэзии» (гуйюаньши), так что «восточный мотив» во многом предопределяет фабульное содержание стихотворения. Таким образом, элементы чужой литературной системы наследуются и вписываются в художественную структуру конкретного поэтического текста Гумилева.

Во втором разделе 1.1.2 **«Китайская мифология в поэзии К. Бальмонта»** анализируется имплицитный китайский мифологический нарратив в стихотворениях «Китайское небо» и «Китайская греза».

Представления о «девятислойном» и «куполообразном» небе, божествах Гун-гуне и Нюй-гуа и другие сведения, почерпнутые из чтения трудов русских синологов того времени, составляют мифологический каркас этих стихотворений. Ориентальный мистицизм тематически созвучен общей символично-мифологической ориентации лирики Бальмонта, всегда открытой к влиянию со стороны экзотических культур.

Предметом второго параграфа 1.2 **«Рецепция китайской культуры в литературе русского зарубежья»** послужило отражение китайских обычаев и религиозных учений в малой прозе писателей харбинской эмиграции – А. Хейдока и Б. Юльского. Писатели, вынужденно оказавшиеся на китайской границе и проживавшие на территории Китая, приобрели более глубокие познания в сфере китайской культуры, нежели писатели, познакомившиеся с ней опосредованно. Это в первую очередь отразилось на символично-мистическом содержании произведений харбинского круга.

В первом разделе 1.2.1. **«Религия и обычаи Китая в прозе А. Хейдока»** исследуются рассказы из сборника «Звезды Маньчжурии» А.П. Хейдока – одного из видных представителей «старшего поколения» писателей дальневосточной эмиграции. Фабула большинства рассказов данного сборника разворачивается на территории Маньчжурии. Философское содержание сборника совмещает в себе теософские искания автора и религиозные представления китайской архаики. Тексты А. Хейдока «Три осечки», «Шествие мертвых», «Маньчжурская принцесса» написаны на основе древнекитайских религиозных верований и развивают классические русские сюжеты на новом культурном материале. «Мистическая возлюбленная», явившаяся герою после смерти (что не является чем-то новым для русской литературы – стоит вспомнить «Клару Милич» И.С. Тургенева), составляет сюжетную основу «Маньчжурской принцессы». То же самое касается и «офицерского фатализма» в рассказе «Три осечки» – он очевидно предлагает «пересборку» оригинального сюжета из «Героя нашего времени». Однако по итогам разбора мы можем сказать, что китайская вариация предлагает новое решение старой темы и

способствует сущностному обновлению традиционных сюжетов. Привлечение концептов «сансары», «кармы» в русский текст качественно изменяет его изнутри: не столько придает свежесть устойчивым литературным темам, сколько наделяет их новыми смысловыми оттенками.

Во втором разделе 1.2.2 **«Мотив оборотничества в прозе Б. Юльского»** изучается значение краеугольных для китайской культуры образов зверей-оборотней в рассказах Б.М. Юльского, представителя «младшего поколения» харбинской эмиграции. Будучи под влиянием китайского «универсалистского анимизма» и древнекитайской письменности, изобилующей фантастическими образами сверхъестественных существ, Юльский в рассказах «Возвращение г-жи Цай» и «След лисицы» находит художественное и образное воплощение традиционных для Китая фигур крысы-оборотня и лисы-оборотня. Образы, привлеченные писателем, обнаруживают типологическое сходство с образами существ из цинского сборника «Странные истории из Кабинета Неудачника» Пу Сун-лина. Стоит отметить, что нарратив оборотничества будет впоследствии существенно развит в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня».

Третий параграф 1.3 **«Рецепция китайской культуры в советской литературе»** состоит из двух разделов, в которых предметом внимания становится художественная рефлексия на тему китайской ментальности и региональной культуры в повестях Б. Пильняка и М. Пришвина.

В советское время Китай рассматривался Россией как важный социально-политический партнер в борьбе против западного империализма. Кроме чисто культурных и философских причин, интерес к Китаю произрастал из политических или даже идеологических предпосылок. Многие советские писатели отправлялись в Китай по официальной командировке или в составе этнографической экспедиции. Одна из подобных рабочих поездок была осуществлена Б. Пильняком и стала импульсом к написанию «Китайской повести» и «Китайской судьбы человека», которым отводится место в разделе 1.3.1 **«Отражение китайской ментальности в повестях Б. Пильняка»**.

Пильняк предпринимает попытку к социально-политическому осмыслению того положения на мировой арене, которое китайская культура и общественность занимали на 1920-ый год. Оттого повести Пильняка и обладают очерковым, полу-публицистическим характером, поскольку большинство наблюдений касаются китайского быта, рефлексии на тему особого рода ментальности китайского народа. Во время продолжительного путешествия автор пробует нащупать причину упадка величайшей цивилизации, осмыслить социально-культурные предпосылки наличной ситуации и осуществить критическое обобщение по поводу увиденного. В конечном итоге писатель обнаруживает слово-ключ – «маманди» ('погоди', 'не торопись') – самый разрушительный порок китайского культурного сознания.

Другую сторону китайской ментальности рассматривает М. Пришвин в повести «Жень-шень». Во втором разделе, 1.3.2 **«Геокультура Маньчжурии в повести М. Пришвина “Жень-шень”»**, выявляются фундаментальные основы китайских анимистических верований. Как и многие произведения Пришвина, «Жень-шень» обладает выраженным философским характером и обогащается включениями из китайской традиционной литературы и мифологии. Пришвин показывает уникальную природу Маньчжурии «бифокально», «бикультурно»: она дается и с точки зрения древней китайской мудрости (воплощенной в архетипической фигуре Лувена), и с точки зрения европейского прагматизма (фигура повествователя). Жень-шень («корень жизни», буквально 'человек-корень') становится символом урегулирования конфликта между восточным и западным типами мышления и поиска гармонического единства между технической устремленностью и созерцательным интуитивизмом, наконец, между человеком и природой.

Следуя за писателями-предшественниками первой половины XX века, которые обратились к разным сторонам китайской культуры, современные русские писатели продолжают апеллировать к китайской тематике. Во второй и третьей главах изучается художественное освоение двух основных аспектов китайской культуры – мифов и исторических реалий – в современной русской

прозе.

Вторая глава **«Мифопоэтические аспекты Китая в современной русской прозе»** посвящена творчеству Ю. Буйды, Д. Липскерова и В. Пелевина, где китайские мифологемы составляют самую нарративную плоть произведений. Движение к мифу – одна из ключевых тенденций современного литературного процесса, которая обнаруживается во многих произведениях рубежа XX–XXI веков, однако имеет различные цели.

Параграф 2.1 носит название **«Потусторонний мир в рассказе Ю. Буйды “Китай”»** и посвящен выявлению скрытого интертекстуального уровня в рассказе Буйды, где можно обнаружить указания на иную культуру. Китайский уровень произведения, по нашему мнению, приобретает в рассказе отчетливо мистический, потусторонний оттенок.

Сюжет произведения воспроизводит довольно распространенную в древнекитайской письменности историю любви между живым и мертвым: молодую вдову из рассказа «Китай» посещает жених-мертвец, вышедший из загадочной географической карты. В китайской классической письменности обнаруживается множество рассказов про любовь между мертвыми и живыми людьми, что обуславливается, в свою очередь, архаическим обрядом «призрачного брака» и прочими исконными китайскими представлениями, например про нерасторжимую связь двух миров: наличного и загробного. Любовный союз между живым и мертвым встречается в древнекитайской литературе разных исторических периодов. Для сопоставительного анализа, например, могут быть выбраны рассказы «Студент Тань» и «Ван Дао-пин» из сборника Восточной Цзинь «Записки о поисках духов» (IV в.), «Ван Гун-бо», «Юй Сун» из сунской антологии сюжетной прозы «Обширные записки годов Тай-пин» (конец X в.).

Главный герой рассказа Буйды – жених-мертвец по имени Петр – выходит из «пожелтевшей, старинной» карты Китая, чтобы встретить любимую в мире живых (что воспроизводит другой традиционный мотив, мотив «проницаемости» двух миров сквозь различного рода иконические изображения

– карты, портреты, ширмы, зеркала и т.п.). После недолгого пребывания в мире живых Петр исчезает, оставляя героиню в одиночестве. Повествовательной сердцевиной рассказа становится старинная карта, повешенная на стене. Китай, изображенный на карте, по рассказам Петра, сообщенным маленькой дочери, – это «страна медлительных рек», где жили люди «с крыльями вместо лопаток», они «никогда не путешествовали и не воевали, давно поняв, что пространство и время – это одно и то же»³⁶. Образ аналогичной страны возникает в древнекитайском трактате «Каталог гор и морей» и романе «Цветы в зеркале» Ли Жу-чжэня, где упоминается «Царство Крылатых людей». Поскольку китайская «потусторонность» в рассказе приобретает идиллические черты (по крайней мере, в словах Петра), она становится созвучной другому мифологическому образу – китайскому Эдему, известному под именем «Персикового источника» (по названию поэмы Тао Юань-мина). От него и произошла известная китайская идиома: 世外桃源, что значит ‘персиковый источник вне пределов людского мира’. Образы «персикового источника» и «царства крылатых» в конечном счете становятся художественным выражением китайской потусторонности, заключенной в подтексте произведения.

Название «Китай», таким образом, обладает символическим значением: оно есть не только указание на потустороннюю область, но и живое художественное воссоздание этой области путем интертекстуальных включений. Потусторонность закрыта для глаз, но все же существует в некотором *ином* пространстве: китайское находится как бы по ту сторону русского текста. Внутри китайского подтекста и содержатся основные пояснения к происходящему. «Трансцендентное» и «потустороннее» содержание, таким образом, может быть понято сквозь «китайский» уровень произведения.

Параграф 2.2 — «**“Куриный город” в романе Д. Липскерова “Сорок лет Чанчжоэ”**». Исходя из того же самого мифологического нарратива про «Царство Крылатых» Д. Липскеров в романе «Сорок лет Чанчжоэ» придумывает фантастический зооморфный «куриный город» – Чанчжоэ.

³⁶ Буйда Ю.В. Китай // Все проплывающие. М.: Эксмо, 2011. С. 31.

Население «куриного города» (внутритекстовый квазиперевод топонима *Чанчжэ*) становится зооморфным в результате куриного нашествия, во время которого жители начинают мутировать и превращаться в птиц. Образ «куриного города» Чанчжэ, горожане которого заросли куриными перьями, конструируется на основе мифологического представления китайцев о родстве курицы и человека, перекликается с китайской космологией (предание о первопредке Пань-гу), а также содержит образные отсылки к древнекитайским «Царству крылатых людей» и «Царству яйцекладущих». Позитивное символическое значение, которое китайский народ приписывает петуху и курице, служит ключом для понимания причин эсхатологического конца романа (город Чанчжэ исчезает с лица земли): исчезновение птиц знаменует и исчезновение города. Таким образом, китайский подтекст в романе не только придает истории магический, фантастический колорит, но и активно участвует в ходе сюжетообразования.

В параграфе 2.3 «**Лиса-оборотень в романе В. Пелевина “Священная книга оборотня”**» в культурологической перспективе рассматривается образ главной героини – лисы-оборотня по имени А Хули и скрытые за ней китайские культурный и литературный слои романа Пелевина. Апелляции к древнекитайским культурным кодам и элементам китайской классической литературы и образности в текстах Пелевина не являются исключительной особенностью «Священной книги оборотня» и обнаруживаются уже в самых первых произведениях писателя (в рассказах «Синий фонарь», «СССР Тайшоу Чжуань. Китайская народная сказка», романах «Чапаев и Пустота» и «Generation “П”»). В шестом романе «Священная книга оборотня» Пелевин продолжает обращаться к синологическим мотивам.

В центре романа — взятый из китайской культуры образ лисы-оборотня. Большинство образных атрибутов лисы-оборотня в романе Пелевина восходит к традиционным поведенческим характеристикам аналогичных существ из древнекитайской письменности. Лисы-оборотни в китайской литературе возникали неоднократно и на протяжении многих веков. Образ лисы-оборотня

А-цзы, например, появляется в цзиньском сборнике «Записках о поисках духов», назовем также Сун Юань из сунской новеллы «Удивительная встреча в Западном Шу» и Су Дацзи из минской книги «Возвышение в ранг духов». Целая группа вариаций оборотнических образов подобного толка обнаруживается в фантастических рассказах «Странные истории из Кабинета Неудачника» Пу Сун-лина.

Образ лисицы, воплощенный в романе Пелевина, к тому же становится свернутой «энциклопедией» по китайской культуре, поскольку вокруг центрального образа последовательно группируются ряды культурологических деталей: императорские экзамены «кэцзюй», ритуалы возвращения на родину, особенности китайских религиозных верований и духовных учений и т.п. Кроме того, эти элементы участвуют в нарративном развертывании текста, они служат фреймами, по которым движется и развивается сюжет. Так, мотив оборотничества предсказывает развязку произведения. На наш взгляд, она даже могла быть угадана до того, когда мы прочитали текст до конца (при условии, что мы уже читали оригинальный источник), – именно потому, что архетипическая основа формирует сюжет произведения. Оборотень-лисица в традиционном китайском нарративе обычно покидает возлюбленного; это делает и героиня Пелевина. Финальный уход лисицы к тому же подстиляет китайскую основу под философский концепт, характерный для Пелевина как писателя, – отрешения от земных желаний, выключения из колеса вечных умираний и перерождений.

В третьей главе **«Культурные традиции Китая в современной русской прозе»** анализируется творчество П. Крусанова, Д. Пригова и М. Шишкина, где китайские культурные традиции приобрели уникальное художественное воплощение и содействовали взаимному обогащению оригинальных традиционных мотивов и русской, и китайской литературы.

Параграф 3.1 – **«Культурные коды Китая в романе П. Крусанова “Укус ангела”»** – посвящается отслеживанию и систематизации китайских подтекстов в романе Крусанова. Ядром крусановского произведения является евразийская

идея объединения между Западом и Востоком, продуктивный синтез русского и китайского миров. Национальное для Крусанова становится способом выражения некоторых онтологических, мировых начал. Для выражения такого синтеза Крусанов обращается к неомифологическому типу повествования. Повествование в целом направляется на мифологизацию единоличной власти, сакрализацию государя в лице Ивана Некитаева. В случае Крусанова конструирование сверхисторической личности происходит в ходе прибавления разного рода мифологем к образу главного героя. Предками Ивана Некитаева, согласно автору, являлись Сун-Цзы и «мастер ножа» Дин из «Чжуан-Цзы», что мы прочитываем в имплицитных указаниях на древние тексты. День зачатия Некитаева называется автором «Днем Воссоединения», «оптинский старец», предрекший Ивану будущее восхождение на престол, говорит про «священный брак» между богами («иерогамию»), когда совершается кровное соединение «небес» и «земли». «Небесами» является «Поднебесная» (Китай) и «землей» – Россия, соответственно: «китайчатая Таня» и Иван Некитаев (фамилия героя маркирована). Предсказание, таким образом, намечает фабульную перспективу «Укуса ангела».

Китайскую часть романа определяет архетипический образ женской красоты – «китайчатая Таня», иначе называемая автором «луноликой феей Ван Цзыдэн». Следует указать, что портрет героини полностью соответствует критериям классической китайской эстетики, которые были закреплены в китайской письменности и фразеологии. «Луноликость», например, помимо мифологического указания на женственность (инь), противопоставленную мужественности Некитаева («солнце в затмении»), является узнаваемым атрибутом классической женской красоты в китайской культуре. Подобным образом Крусанов также привлекает известный фразеологизм 纤纤玉手 – «тонкие, изящные, как нефрит, пальцы», чтобы очертить внешность героини в русле китайской традиции. Красота, таким образом, сознательно мифологизируется, что только поддерживается сопоставлением героини с мифологической небожительницей, феей Ван Цзыдэн. Ван Цзыдэн в

традиционной мифологии являлась посланницей «Владычицы Запада» – одной из служанок богини Си-ван-му. Кроме того, автор упоминает Династию Тан, период расцвета китайской культуры (время творчества Ли Бо и Ду Фу), когда называет имя героини – Таня. Совокупность деталей, мозаически включенных в образ «небожительницы» (феи), становится женственным выражением Китая как небесной культуры.

Таким образом, роман Крусанова нацелен на синтез, слияние и растворение китайского и русского друг в друге. Подобный синтез возможен только при условии глубокого насыщения образов культурными и репрезентативными подробностями. Татьяна и Иван, кровные родственники и возлюбленные, соединяются на мифологическом уровне. В связи с этим следует говорить не про союз двух героев, но именно про онтологическое единство, единение, сращение двух различных фундаментальных культур и способов мирозерцания.

Параграф 3.2 посвящается **«Отражению китайской культуры в романе Д. Пригова “Катя китайская”»**. По нашему мнению, одной из важных тем романа является описание механизмов «культурной ассимиляции», приобщения к чужой культуре; проблематизируется восприятие чужой культуры ребенком. Русская девочка в конце романа становится девочкой «китайской», усвоив формы китайского мирозерцания. Такое мышление Катенька заимствует от воспитательницы, китайской няни. В ходе взросления Катя приобщается к вере в духов, к китайским сказкам, традиционной китайской физиогномике. Образ дракона, увиденный на городском празднике, становится для героини символом всего Китая и будет преследовать взрослую Катерину после отъезда из Поднебесной. Роман Пригова, таким образом, ставит проблему вхождения в чужую культуру: этой оптикой определяется праздничный, фантастический образ Китая; автор созерцает саму эстетику культуры, особенности символов, быта и обычаев Поднебесной.

В параграфе 3.3 **«Культура Китая в романе “Письмовник” М. Шишкина»** исследуется китайский культурный слой в романе

«Письмовник». Фабульная линия, связанная с мужским персонажем, сосредотачивается на Ихэтуаньском восстании, произошедшем в начале XX века в ходе вторжения Альянса восьми держав в Китай. Китайский быт изображается Шишкиным на материале книги Д.Г. Янчевецкого «У стен недвижимого Китая». Оттуда были взяты некоторые детали: из маловажных – детали китайского быта (напр., чайная узорчатая подушка) и даже некоторые сцены (из главы «В кумирне “Духа огня”» Янчевецкого). Наиболее важным заимствованием является фамилия одного из героев – Кирилла Глазенапа, студента восточного факультета – который становится медиатором китайской культуры в романе. Образ Кирилла Глазенапа является типическим воплощением «студента-книжника» из китайской письменности, типом «конфуцианского ученого» времени императорских экзаменов системы «кэцзюй». Родство типических «конфуцианских ученых» и героя романа прослеживается в ходе интертекстуального анализа цинского сборника Пу-Сунлина «Странные истории из Кабинета Неудачника» (рассказы: «Четвертая Ху», «Бесовка Сяо-се», «Смешливая Ин-нин», «Студент Го и его учитель», «Студент Лэн» и др.), танских новелл Шэнь Цзи-цзи «Волшебная подушка» и Ли Чао-вэй «Дочь Повелителя драконов» и т.д. Кроме того, следует заметить, что Кирилл Глазенап духовно восходит одновременно к двум культурным традициям, сакральным как для русской, так и для китайской культуры, – воплощает священную фигуру переписчика, каллиграфа. В контексте русской (христианской) культуры имя *Кирилл*, в первую очередь, запускает механизм языковых ассоциаций (кириллица). В сюжете о профессиональном каллиграфе и «обладателе четырех сокровищ китайского кабинета»³⁷ персонаж становится представителем конфуцианской культуры. Фигура Глазенапа вращается вокруг проблем языка и письма. Таким образом, Шишкину удастся обосновать излюбленный сюжет об онтологических началах письма на конфуцианском материале.

В «**Заключении**» представлены итоги исследования. Мы можем уверенно

³⁷ См.: *Шишкин М.П.* Письмовник. М.: Издательство АСТ. 2020. С. 148.

констатировать, что современная русская проза тяготеет к различным синологическим мотивам и образам и предлагает уникальную форму их обработки и осмысления. Интерес русских писателей к китайской культуре продиктован разными причинами. Некоторые из авторов (например, П. Крусанов и М. Шишкин) искали в ней способы преодоления односторонней неполноценности, которой, по их мнению, характеризуется западная культура. Другие обретали в китайской области некую таинственную прародину, что мы находим в рассказе Ю. Буйды «Китай» и в романе Д. Пригова «Катя китайская». Отчасти китайская образность становится и предметом постмодернистской игры: совмещаются китайские, христианские, исламские, популярные, литературные и другие дискурсы, что отразилось в творчестве Пелевина и Крусанова. Так, лисица из романа Пелевина отсылает не только к мифологии, но и к «Лолите» В. Набокова. Иными словами, задачи, поставленные перед писателями, могут радикально различаться, хотя и обнаруживают некоторую общую устремленность. Тем не менее повышенный интерес к китайской культуре в современной русской литературе – одна из заметных тенденций литературного процесса. Межкультурный диалог России и Китая становится все более глубоким и разносторонним, и это, пожалуй, отрицать невозможно.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 7 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1) *Ли Гэнь*. Геокультурный образ Маньчжурии в повести М. Пришвина «Жень-шень» // *Litera*. 2021. № 4. С. 135–144. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,16;

2) *Ли Гэнь*. Культура Китая в романе «Письмовник» М. Шишкина // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 3 (88). С. 440–443. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,293;

3) *Ли Гэнь*. Отражение судьбы эмигранта в образе главной героини романа Д.А. Пригова «Катя китайская» // *Litera*. 2021. № 6. С. 108–115.

Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,16;

4) *Ли Гэнь*. Китайский подтекст в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Казанская наука. 2021. № 9, С. 23–27. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,126;

5) *Ли Гэнь*. Китайские мотивы в романе Д. Липскерова «Сорок лет Чанчжоэ» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2022. Т.32. №2. С.345–349. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,181;

6) *Ли Гэнь*. Китайский подтекст в рассказе Ю. Буйды «Китай» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т.81. № 2. С. 65–70. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,285.

7) *Ли Гэнь*. Культурные коды Китая в романе П. Крусанова «Укус ангела» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 4. С. 110–117. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,245.

В других научных изданиях:

8) *Ли Гэнь*. Интерпретация войны в романе М.П. Шишкина «Письмовник» // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения). Материалы VII Международной научной конференции. Москва, 17–19 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 207–210.

9) *Ли Гэнь*. Интертекстуальная связь романа Б. Акунина «*Vremena goda*» с повестью М. Пришвина «Жень-шень» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 82–90.